

Роль нарративного подхода в формировании экологической культуры, или К вопросу о человекообразности*

И. О. Щедрина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Для цитирования: Щедрина И. О. Роль нарративного подхода в формировании экологической культуры, или К вопросу о человекообразности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 544–553.

<https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.314>

Нарратив и как феномен, и как подход, и как практика конституируется в философской методологии и гуманитарной науке благодаря неклассическим философским проектам XX в. Фактически, именно фундаментальная теоретико-методологическая проблематика, в которой слово рассматривается как источник познания (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, П. Рикёр, Г. Шпет), становится стержневой для дальнейшего осмысления истории, культуры и науки сквозь призму нарратива. В настоящее время к нарративной проблематике обращается все большее число представителей различных научных дисциплин (методологов науки, психологов, филологов, социологов, юристов, историков, культурологов), осмысливающих влияние культурных факторов на мотивацию ученого, на способы функционирования и трансляции знания в обществе, а также на формирование и сохранение экологии культуры как исключительного феномена, что подчеркивает актуальность и многоплановость нарративного подхода в условиях современности. В данном контексте специфический ракурс приобретают философско-методологические разработки В. С. Стёпина, в частности сформулированные им идеи «человекообразности» и «человекообразной системы» («человекообразных комплексов»). В статье проводится мысль о том, что обращение к нарративной тематике в социокультурном и экологическом контексте позволяет зафиксировать роль и место человека в человекообразных системах, а также уточнить границы этих систем. Речь идет именно об экологической культуре техногенной цивилизации: цивилизация невозможна без культуры, без ценностной, эстетической, гуманитарной составляющей. Нарратив оказывается включенным в исследование человекообразной системы, поскольку сам человек погружен в культурную ситуацию повествования.

Ключевые слова: человекообразность, экология, культура, нарратив, человекообразные системы, риски, техногенная цивилизация.

Экологическая проблематика является одной из самых обсуждаемых в научном и философском мире, но особое внимание ученых привлекают те направления и методы ее исследования, которые возникают на пересечении гуманитарного и естественнонаучного подходов. Междисциплинарный ракурс позволяет по-новому увидеть проблемы экологической культуры, выявить конкретные

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-511-04006 «Философско-методологическое наследие В. С. Стёпина в контексте современных исследований социокультурных рисков техногенной цивилизации».

антропологические риски технических нововведений, осмыслить уже существующие кризисные явления техногенной цивилизации, и, конечно, расширить экологическое просвещение, в рамках которого особая роль принадлежит нарративу (повествованию). На мой взгляд, погружение экологической проблематики в нарративный контекст позволяет расширить концептуальное поле экологической культуры и одновременно уточнить ряд научно-философских идей. В частности, можно выявить концептуальную перспективность идеи «человекоразмерности»¹, сформулированной Вячеславом Стёпиным в ряде его работ. Подчеркнув специфический характер человекоразмерности, он предлагал ввести понятие человекоразмерных комплексов или систем: «Среди исторически развивающихся систем современной науки особое место занимают природные комплексы, в которые включен в качестве компонента сам человек. Примерами таких “человекоразмерных” комплексов могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом (глобальная экология), объекты биотехнологии (в первую очередь генетической инженерии), системы “человек-машина” (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта) и т. д. При изучении “человекоразмерных” объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности» [7, с. 197–198]. В таком понимании сама наука может представлять в качестве человекоразмерной системы, так как в ней присутствуют и предмет исследования, и окружающая среда, и существующий в этой среде, включенный в нее исследователь, влияющий, вдобавок, на предмет и рассказывающий о своем исследовании коллегам и сообществу. В самом деле, многие философы науки, экологи, биологи, помимо непосредственно научно-исследовательской деятельности предлагают и научно-популярное изложение своих исследований. Действие такого рода, направленное на продвижение и популяризацию научного знания, играет особую роль, когда касается именно экологической культуры (экологическое просвещение), а соотношение с экзистенциальными актами наррации ученого актуализирует научное знание как таковое: в экологическую культуру включаются человек и нарратив; то, что рассказывается (в частности, то, что рассказывает ученый), осуществляет связь науки с обществом. Фактически человек, который рассказывает, и делает систему человекоразмерной: он существует в культуре не единично, ему необходим собеседник. Индивид оказывается частью целого, «среды», представляющей «целостный организм»; в то же время «объекты, которые представляют собой развивающиеся человекоразмерные системы, требуют особых стратегий деятельности. Эти системы наделены синергетическими характеристиками, в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах» [7, с. 268–269].

¹ Впервые данный термин был употреблен М. К. Петровым (см.: [1–3]). Отечественные исследователи подчеркивали авторский характер термина «человекоразмерность», как и общий контекст, в котором это понятие использовалось М. К. Петровым: «...М. К. Петров вводил понятие человекоразмерности в связи с разработкой им авторской концепции науковедения, вызванной ростом объемов научного знания, роста учений и концепций и в русле разрабатываемых в его время концепций по общей теории систем и системного подхода» [4, с. 16] (подробнее также см.: [5; 6]). В данной статье меня интересуют концептуальные разработки этого термина В. С. Стёпиным, поскольку он раскрывает специфику «человекоразмерности» в методологическом ключе.

Человекоразмерные системы с их акцентом именно на гуманитарных аспектах, связывающие в одно и то же время биологическое и надбиологическое, во многом перекликаются и с другими социокультурными концептами ряда научных направлений. И в данном случае особый статус обретает методология — культурно-историческая, ориентированная на новый этап истории науки и общества. «Методы, характерные для социогуманитарных наук — интерпретация, диалогичность, индивидуализирующий метод исторического познания, трансформируясь и обретая специфику, находят применение в науках о природе» [8, с. 110], — и проекты, созданные с учетом подобной методологии получают дополнительный экзистенциальный окрас, оказывая тем самым целенаправленное культурно-коммуникативное воздействие на аудиторию. Одним из самых масштабных проектов такого рода является «Обмен между наукой и индустрией развлечений» (Science and Entertainment Exchange), или же просто «Обмен» — проект американской Академии наук [9], продолжающийся с 2008 г. Исследователи задались целью погрузить науку в нарратив, рассказать о ней с больших экранов, буквально — нарративизировать и популяризовать ее. Объединение научных экспертов, сценаристов и продюсеров развлекательных программ продемонстрировало силу экологического просвещения именно через человекоразмерность. Майкл Дальстром, обратившись к теме нарративизации научного знания и взаимодействию научного сообщества с «неэкспертами» [10], т. е. с обычной аудиторией, подчеркнул важность интеграции нарратива в научный контекст как для выстраивания доверительных отношений в научной среде (общение ученых), так и для культурного развития аудитории, через неформальное общение и разговор [10, р. 13618]. Говоря о пользе применения нарративного метода в научной среде, Дальстром определяет нарративы как мысленное моделирование некоторого аспекта научной реальности с ориентировкой на обычную аудиторию. В сущности, с их помощью можно объяснять сложные явления в бытовом масштабе: нарратив становится возможным решением проблемы взаимодействия ученого и читателя/зрителя, транслируя осмысленное содержание сложных научных тем простым, повествовательным путем [10, р. 13618].

Таким же образом, обратившись к человекоразмерности в экологической культуре, можно говорить о проблемах этического и аксиологического характера, особенно по отношению к научным исследованиям, и о поисках их решения. Отечественные ученые отмечают остроту вопроса о соотношении человека и окружающей среды в контексте аксиологических факторов «человекоразмерности»: «...надо достраивать человекоразмерную проблемную ситуацию, опираясь на валюативные представления. Очень ярко это проявляется в медицинской этике, скажем, в ситуации с клонированием стволовых клеток человека или эвтаназией, где окончательная позиция носит четко выраженный характер выбора определенной альтернативы, на который влияют представления о свободе и достоинстве человека, его ответственности и т. п.» [11, с. 49]. Тема человека в природе, человека в городе, человека наедине с собой в привычном экологическом ключе приобретает аксиологический, этический, культурный ракурс: «Фактически, через понятие “человекоразмерных систем” (“человекоразмерных комплексов” или “человекоразмерных объектов”) Стёпин вводит гуманитарную тематику в естествознание. “Человекоразмерные” системы определяются именно гуманитарным измерением, они требуют понимания и интерпретации, что предполагает их целостное представление, последовательно

выраженное в языке» [12, с. 70]. Нарратив, обусловленный экзистенциальным характером изложения, придает экологической культуре характер человекоразмерности; она раскрывается именно как часть целостного гуманитарного блока. Совмещение в одном научно-исследовательском ключе культурно-исторических, социальных, биологических, информационных, технологических, экологических и многих других подходов подчеркивает гуманитарный характер современного взгляда на науку и на мир в целом. «Социальные цели и ценности, меняющие облик науки как социального института, и внутринаучные, когнитивные факторы действуют в одном направлении — они актуализируют междисциплинарные связи и взаимодействия» [13, с. 667]. И в настоящее время, обладая обновляющимся набором социально-гуманитарных концептов, ученый-исследователь по-прежнему считается с включенностью человека в общее поле взаимодействия техногенного и природного, учитывает возможности взаимовлияния и рационального совоздействия на всех уровнях, от физического до этического: «...в стратегиях деятельности со сложными человекоразмерными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностнорационального действия. В западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики» [7, с. 269].

Таким образом, обратившись к нарративу, можно конкретизировать идею о человекоразмерности в контексте формирования экологической культуры: Стёпин опирался главным образом на проблемы научного этоса; однако любой ученый, чувствуя свою ответственность перед обществом, осуществляет и обратную связь — через нарратив, превращая его таким образом в связующее звено, делая буквально выражением человекоразмерности исследований, в том числе экологических. Сущестующий в техногенных условиях современности, человек науки обречен на бесконечные попытки преодоления возникающих кризисов, ликвидации рисков, стремясь хотя бы отчасти заполнить разрыв между природным и урбанистическим². В таком контексте особый смыслообразующий статус приобретает именно человекоразмерная составляющая экологической культуры, выраженная в нарративе.

Социально-гуманитарная, культурная и экологическая сферы концептуально пересекаются и на методологическом уровне. Михаил Эпштейн, например, предлагает использовать термин «биограмма», погружая его в нарративный контекст, что позволяет также провести аналогию с человекоразмерными системами: «Биограмма — структурная единица жизненного целого, которое может включать, например, такие биограммы, как “дружба”, “одиночество”, “встреча”... и т. д. Если нарратив — это биограммы во временном порядке, как последовательно рассказанная биография, то тезаурус — это совокупность биограмм, организованных системно как описание целостной картины жизни и мировоззрения» [14]. Биограмма в данном случае — особое нарративное явление, которое в то же время этимологически связано именно с биологической и экологической культурой. До некоторой степени это мыслительный ход близок не только лингвистам, но и социологам. В частности, именно на биологической составляющей взаимосообщения и взаимовлияния человека и окружающей среды ставит акцент в своем исследовании Т. М. Дридзе: «Эта но-

² Примером попыток преодолеть этот разрыв могут стать такие документы, как «Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию» и «Повестка дня на XXI век». В России в настоящий момент действует федеральный закон «Об охране окружающей среды», с отдельно посвященными экологическому просвещению пунктами.

вая парадигма, которую предлагается назвать “экоантропоцентрической”, исходит из того, что социальные институты общества представляют собой кристаллизацию непрерывно происходящего метаболизма (обмена веществом, энергией и информацией) между человеком и средой его обитания. Соответственно, работающий в этой парадигме исследователь акцентирует свое внимание не столько на человеке и/или среде в их обособленности, сколько на тех обменных (метаболических) процессах, которые происходят между ними» [15, с. 21–22] (см. также [16]). Хотя в современной нарратологии уже появляются исследования, посвященные выходу за пределы теоретического антропоцентризма в рамках экологической культуры (см., например, работу Дэвида Германа о нарратологии и сторителлинге в контексте животного мира [17]), еще в 1996 г. на страницах журнала «Экологическая история» Уильям Кронон отмечал парадоксальность самовосприятия человека в рамках техногенного мира [18, р. 17]. Понимание дикой природы как нетронутого пространства воплощает дуалистическое видение, согласно которому человек полностью находится за пределами естественного, природного³. Однако если мы согласимся с тем, что настоящая природа должна быть дикой и нетронутой, то само наше присутствие в природе означает крушение этого видения. То есть место, где находится человек, — это место, где природного уже нет. Кронон подчеркивает: в той степени, в которой мы живем в урбанистической индустриальной цивилизации, но в то же время притворяемся, что наш настоящий дом находится в дикой природе, в той же степени мы позволяем себе уклоняться от ответственности за ту жизнь, которую в настоящий момент ведем. Мы живем в цивилизации, спрятав некоторую часть себя — ту, что мы считаем самой ценной частью, — в стороне от урбанистических соблазнов [18, р. 17]. Несмотря на разницу во взглядах и во времени (между текстами Германа и Кронона проходит два десятка лет), оба исследователя оказываются на своеобразном общем «полюсе» отношения к человеку и к его взаимодействию со средой — в отличие от той же «человекоразмерности», где человек является определяющим центром и для городской культуры, и для культуры экологической. Этот другой «полюс», взгляд сквозь «человекоразмерность» системы обеспечивает в настоящее время для экологической культуры широкое распространение ряда интеллектуальных направлений, связанных с природоохранными аспектами гуманитарного знания.

В связи с этим возник ряд концептов, которые позволяют взглянуть под особым углом на принципы существования человекообразных систем: исследователи говорят об экокритицизме (см. подробнее: [21; 22]), экологическом моделировании (environmental modeling) и эко-нарративах (Eco-Narrative). На помощь ученым также приходят сообщества и периодические издания: основанная в 1992 г. Ассоциация изучения литературы и окружающей среды (ASLE), журналы «Междисциплинарные исследования в литературе и окружающей среде» (ISLE), «Экологическая история», «экологические гуманитарные науки», «Окружающая среда и история» и т. д.

Экологическое образовательное направление обращается к нарративной тематике отчасти благодаря экзистенциальной составляющей нарратива, отчасти — благодаря практической пользе, которую приносит применение эко-нарративов

³ В то же время в 1987 г. Ричард Реджистер в книге «Беркли: строим города здорового будущего» [19] вводит понятие экогорода как некоего комплекса, объединяющего урбанистическое и экологическое в общую локацию. В настоящее время экогорода — часть современного мира, со своими особенностями, проблемами и исследователями (см. об этом подробнее: [20]).

в функционировании и развитии человекообразных систем. Так, например, исследователи в Австралии еще с 80-х годов уделяют много внимания именно вопросам экологического просвещения, пытаются разрешить перманентно возникающие сложности, указывают на ряд острых проблем (отношение к земле сугубо как к источнику ресурсов, технические проблемы человеческого выживания, технологические риски и т.д.). Одним из методов выхода за рамки потребительного отношения к окружающей среде можно назвать распространение эко-нарративов: таким образом раскрывается именно гуманитарная особенность человекообразной системы — через повествование, через творение смыслов и соотношение их с реальностью повседневной человеческой жизни.

В то же время нарратив, погруженный в контекст экологической культуры, приобретает ряд, казалось бы, не свойственных ему функций. В их числе — алармистская и аналитическая, обладающие особой весомостью в контексте проблем культурной памяти и нарастающей опасности социально-экологических кризисов. Л.Е. Муравьева подчеркивает специфическую нарративную форму для возможной репрезентации рисков современного общества и культуры. Речь идет именно о культуре, поскольку социокультурная детерминация, как и ценностная составляющая техногенной цивилизации, позволяют по-новому взглянуть на привычные форматы текста и способы изложения. «При всем разнообразии постклассических подходов в нарратологии неоспоримым фундаментом многочисленных дефиниций нарратива остается его отнесенность к сфере прошедшего времени. Нарратив рассматривается как ретроспективная дискурсивная форма, в основе которой лежит измерение событийности. <...> Вместе с тем, в дискурсе обнаруживают себя нарративные явления, формально противоречащие установке на репрезентацию прошлого. Речь идет прежде всего о дискурсах, отсылающих к практикам планирования сценариев развития событий — экономических, политических, региональных, — исход которых оказывается важен для той или иной социальной группы» [23, с. 58]. Работа со сценариями за последние несколько десятилетий приобрела междисциплинарный масштаб, поскольку в настоящее время появляется все больше технических возможностей для анализа разного рода ситуаций, просчитывания рисков и связанных с ними опасностей. К примеру, американские исследователи направляют коллективные усилия на решение системных проблем, вызванных социально-экологическими кризисами (см. подробнее: [24]). Опирающимся на человекообразность можно назвать и метод нарративного моделирования, который может быть переведен в социально-информационный формат: конкретные повествования, автобиографические нарративы, выраженный в них индивидуальный опыт могут быть преобразованы в компьютерную модель, что, в свою очередь, позволяет работать уже с определенными сценариями. Учитывая, что человек всегда добавляет к восприятию происходящих событий собственный опыт, свои знания и придает воспоминаниям соответствующий окрас, исследователи разработали программное обеспечение, позволяющее участникам одного и того же кризисного события (в качестве примера упоминается Водный кризис Флинта⁴) через создание динамических нарративных моделей структурировать ход мысли, создать и зафиксировать определенный сценарий, который в дальнейшем может лечь в основу ана-

⁴ Водный кризис в г. Флинт (штат Мичиган), длившийся с 2014 по 2019 г., когда вода оказалась загрязнена свинцом и бактериями.

литической работы по восстановлению экосистемы и профилактике новых кризисных ситуаций, связанных со взаимодействием человека и окружающей среды.

За последние несколько десятилетий экологи (и ученые-практики и теоретики) обратили свое внимание на функциональные возможности, которые предоставляет нарратив: истории, которые люди рассказывают о своей жизни, неизменно соотносятся с человекообразностью системы, в рамках которой происходит повествование. Возросший интерес к нарративной экологической этике демонстрирует реактуализацию и переоценку многих экофилософских текстов, лежащих в основании данного направления. Джон Чарльз Райан выделяет три компонента эко-нарративов [25, p. 829]: «Я», контекст и традиция. Он обращает внимание на то, что, когда возникает речь о «нарративе», как правило, подразумевается понимание этого термина в широком смысле — как последовательность событий, упорядоченных во времени, в связи с определенной формой и структурой, как «истории, которые люди рассказывают о своей жизни» (А. Бохнер). Однако современные специалисты-экологи, философы естествознания и нарратологи обращаются к понятию эко-нарратива, характеризуя его как «устные истории, связанные с окружающей средой, и другие построенные на отдельных эпизодах источники знаний и воззрений, ограниченные переживаниями, наблюдениями и прикрепленностью рассказчика к определенному месту» [26, p. 119]. Эко-нарратив в таком понимании становится гуманитарной установкой человекообразной системы. Выделенные Райаном компоненты обуславливают акцент именно на эпистемологической составляющей: внутренне единство «Я» повествователя достигается посредством рефлексивного, критического процесса, благодаря которому уточняются смысл совершаемых действий, принятых решений и совершенного выбора; контекстуализация принятия этих решений в нарративе предоставляет возможности для локального или биорегионального обсуждения; включение соответствующих традиций имеет решающее значение для создания нарративной этики природы (Narrative Ethic of Nature, см.: [25]).

Таким образом, в едином смыслообразующем поле оказываются человек с его индивидуальным самосознанием, территориальным самовосприятием и социокультурной самоопределяемостью. Эпистемологический аспект в данном случае позволяет еще раз акцентировать внимание на человеке как части экологической культуры и в целом на ее человекообразном характере. Человек, будучи частью сообщества, системы, биогеоценоза, также является «творением культуры»: «Он становится личностью только благодаря усвоению транслируемого в культуре социального опыта. Такое усвоение происходит в процессе социализации, обучения и воспитания, при сложной состыковке биологических программ, характеризующих индивидуальную наследственность, и надбиологических программ общения, поведения и деятельности, составляющих своего рода “социальную наследственность”» [27, с. 11]. И, что не менее важно, являясь «творением», человек не перестает быть творцом культуры и ее транслятором; экологическая культура, возникнув в виде отдельного направления, продолжает развиваться и трансформироваться: человекообразной ее можно назвать и потому, что она существует в динамике. Постоянно происходящие изменения, приводящие в конечном итоге к трансформациям «сердца» экологической культуры, невозможны без постоянной включенности человека. А проявляться и фиксироваться это может в самых разных ипоста-

сях — от индивидуального самосознания до коллективной памяти, от экологического просвещения до нарратива.

Литература

1. Петров, М. К. (1987), Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли, *Вопросы истории естествознания и техники*, № 3, с. 100–109.
2. Петров, М. К. (2003), Человекообразность и мир предметной деятельности, *Человек*, № 1, с. 5–18.
3. Петров, М. К. (2012), Системный подход и человекообразность теоретического мышления, *Социология науки и технологий*, т. 3, № 3, с. 97–111.
4. Смирнов, С. А. (2019), Человекообразность города, *ПРАЭНМА*, № 2 (20), с. 13–32.
5. Огурцов, А. П. (2013), Системный анализ науки: идеи эквивалентности и человекообразности, *Эпистемология и философия науки*, т. XXXVII, № 3, с. 190–204.
6. Трофимов, В. В. (2014), Человекообразность как фактор гуманитаризации научно-технического знания, *Научные ведомости. Философия. Социология. Право*, № 22 (193), вып. 30, с. 176–178.
7. Стёпин, В. С. (2011), *Цивилизация и культура*, СПб.: СПбГУП.
8. Черникова, И. В. (2017) Процедура интерпретации в современном естествознании, *Вестник Томского государственного университета*, № 425, с. 105–111.
9. National Academy of Sciences (2016), *The Science and Entertainment Exchange*. URL: www.scienceandentertainmentexchange.org (дата обращения: 17.04.2021).
10. Dahlstrom, M. F. (2014), Using narratives and storytelling to communicate science with nonexpert audiences, *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 111, supp. 4: The Science of Science, Communication II, p. 13614–13620.
11. Николаев, С. Ю. (2006), Рациональность в становлении современной научной парадигмы, *Вестник ДГТУ*, т. 6, № 1 (28), с. 46–50.
12. Щедрина, И. О. (2019), Человекообразные системы и нарратив, *Первые Степинские чтения. Современный этап развития науки и кризис техногенной цивилизации. Материалы конференции с международным участием. Москва 5–6 ноября 2019 года*, отв. ред. Буданов, В. Г. и Лекторский, В. А., Курск: Университетская книга, с. 69–71.
13. Стёпин, В. С. (2000), *Теоретическое знание*, М.: Прогресс-Традиция.
14. Эпштейн, М. (2007), Жизнь как нарратив и тезаурус, *Московский психотерапевтический журнал*, № 4, с. 47–56. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/Epstein_life_thesaurus.htm (дата обращения: 17.04.2021)
15. Дридзе, Т. М. (2000), Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии, *Социологические исследования*, № 2, с. 20–28.
16. Дридзе, Т. М. (1998), Экоантропоцентрическая парадигма в социальном познании и социальном управлении, *Человек*, № 2, с. 95–105.
17. Herman, D. (2018), *Narratology beyond the Human: Storytelling and Animal Life*, NY: Oxford University Press.
18. Cronon, W. (1996) *The Trouble with Wilderness: Or, Getting Back to the Wrong Nature*, *Environmental History*, vol. 1, no. 1, p. 7–28.
19. Register, R. (1987), *Ecocity Berkeley: Building Cities for a Healthy Future*, Berkeley: North Atlantic Books.
20. Tan-Mullins, M. (2018), Who Are Green Cities Actually For? *RCC Perspectives*, no. 1, p. 33–38.
21. Bracke, A., Corporaal, M. (2010), Ecocriticism and English Studies: An Introduction. *English Studies*, vol. 91, iss. 7, p. 709–712.
22. James, E., Morel, Eric (2018), Ecocriticism and Narrative Theory: An Introduction, *English Studies*, vol. 99, iss. 4, p. 355–365.
23. Муравьева, Л. Е. (2018), Нарративная репрезентация риска и коллективная память: к постановке проблемы, *Новый филологический вестник*, № 1 (44), с. 57–68.
24. Singer, A., Gray, S., Sadler, A., Olabisi, L. S., Metta, K., Wallace, R., Lopez, M. C., Introne, J., Gorman, M. and Henderson, J. (2017), Translating community narratives into semi-quantitative models to understand the dynamics of socio-environmental crises, *Environmental Modelling & Software*, no. 97, p. 46–55.
25. Ryan, J. Ch. (2012), Narrative Environmental Ethics, Nature Writing, and Ecological Science as Tradition: Towards a Sponsoring Ground of Concern, *Philosophy Study*, vol. 2, no. 11, p. 822–834.
26. Robertson, M., Nichols, P., Horwitz, P., Bradby, K. and MacKintosh, D. (2001), Environmental Narratives and the Need for Multiple Perspectives to Restore Degraded Landscapes in Australia, *Ecosystem Health*, vol. 6, iss. 2, p. 119–133.

Контактная информация

Щедрина Ирина Олеговна — канд. филос. наук, мл. науч. сотр.; echiscar@yandex.ru

The role of the narrative approach in forming ecological culture, or on the question of human-sizedness*

I. O. Shchedrina

HSE University,
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

For citation: Shchedrina I. O. The role of the narrative approach in forming ecological culture, or on the question of human-sizedness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, issue 3, pp. 544–553. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.314> (In Russian)

Narrative both as a phenomenon and practice is constituted in philosophical methodology and the humanities due to non-classical philosophical projects in the 20th century. Ultimately, it is the fundamental theoretical and methodological problematics, in which the word is considered as the source of cognition (E. Husserl, M. Heidegger, P. Ricoeur, G. Shpet), that become essential for the following comprehension of history, culture and science through the prism of narrative. Today, the problematics of the narrative is gaining more and more attention from representatives of different scientific disciplines (methodologists of science, psychologists, philologists, sociologists, jurists, historians, culturologists) who comprehend the influence of cultural factors on a scientist's motivation, on the ways of functioning and translation of knowledge in society and also on forming and saving the ecology of culture as an exceptional phenomenon, which emphasizes significance and diversity of the narrative approach in modern conditions. In this context, V. S. Stepin's philosophical and methodological developments, in particular, the ideas of "human-sizedness" and "human-sized system" ("human sized complexes") formulated by him take on a specific dimension. The article suggests that an appeal to narrative themes in a socio-cultural and ecological context makes it possible to fix the role and place of a person in human-sized systems, as well as to clarify the boundaries of these systems. It is precisely about the ecological culture of a technogenic civilization: civilization is impossible without culture, without value-based, aesthetic and humanitarian components. The narrative is included in the study of the human-sized system, since the person himself is immersed in the cultural situation of the narrative.

Keywords: human-sizedness, ecology, culture, narrative, human-sized systems, risks, technogenic civilization.

References

1. Petrov, M. K. (1987), Pentekontera. In the First Grade of the European School of Thought, *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, no. 3, pp. 100–109. (In Russian)
2. Petrov, M. K. (2003), Human-sizedness and the World of Objective Activity, *Chelovek*, no. 1, pp. 5–18. (In Russian)

* The research was carried out with support from the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-511-04006 "Philosophical and methodological heritage of V. S. Stepin in the context of modern studies of sociocultural risks of technogenic civilization".

3. Petrov, M. K. (2012), Systems Approach and Human-sizedness of Theoretical Thinking, *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, vol. 3, no. 3, pp. 97–111. (In Russian)
4. Smirnov, S. A. (2019), Human-sizedness of the city, *ИПАЭНМА*, no. 2 (20), pp. 13–32. (In Russian)
5. Ogurtsov, A. P. (2013), Systems Analysis of Science: Ideas of Equifinality and Human-sizedness, *Epistemology and Philosophy of Science*, vol. XXXVII, no. 3, pp. 190–204. (In Russian)
6. Trofimov, V. V. (2014), Human-sizedness as a Factor in Humanizing Scientific and Technical Knowledge, *Nauchnye vedomosti. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, no. 22 (193), iss. 30, pp. 176–178. (In Russian)
7. Stepin, V. S. (2011), *Civilization and Culture*, St. Petersburg: SPbGUP Publ. (In Russian)
8. Chernikova, I. V. (2017), Interpretation procedure in modern natural science, *Tomsk State University Journal*, no. 425, pp. 105–111. (In Russian)
9. National Academy of Sciences (2016), *The Science and Entertainment Exchange*. Available at: www.scienceandentertainmentexchange.org (accessed: 17.04.2021).
10. Dahlstrom, M. F. (2014), Using narratives and storytelling to communicate science with nonexpert audiences, *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 111, suppl. 4: The Science of Science, Communication II, pp. 13614–13620.
11. Nikolaev, S. Iu. (2006), Rationality in Forming the Modern Scientific Paradigm, *Vestnik DGTU*, vol. 6, no. 1 (28), pp. 46–50. (In Russian)
12. Shchedrina, I. O. (2019), Human-sized Systems and Narrative, in Budanov, V. G. and Lectorsky, V. A. (eds.-in chief), *First Stepin Readings. The Current Stage of Development of Science and the Crisis of Technogenic Civilization. Conference Materials with International Participation. Moscow, November 5–6*, Kursk: University book, pp. 69–71. (In Russian)
13. Stepin, V. S. (2000), *Theoretical knowledge*, Moscow: Progress-Traditsiya Publ. (In Russian)
14. Epstein, M. (2007), Life as a Narrative and Thesaurus, *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, no. 4, pp. 47–56. Available at: http://www.emory.edu/INTELNET/Epstein_life_thesaurus.htm (accessed: 17.04.2021) (In Russian)
15. Dridze, T. M. (2000), Ecoanthropocentric Model of Social Cognition as a Way to Overcome the Paradigmatic Crisis in Sociology, *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 20–28. (In Russian)
16. Dridze, T. M. (1998), Ecoanthropocentric Paradigm in Social Cognition and Social Management, *Chelovek*, no. 2, pp. 95–105. (In Russian)
17. Herman, D. (2018), *Narratology Beyond the Human: Storytelling and Animal Life*, New York: Oxford University Press.
18. Cronon, W. (1996), The Trouble with Wilderness: Or, Getting Back to the Wrong Nature, *Environmental History*, no. 1 (1), pp. 7–28.
19. Register, R. (1987), *Ecocity Berkeley: Building Cities for a Healthy Future*, Berkeley: North Atlantic Books.
20. Tan-Mullins, M. (2018), Who Are Green Cities Actually For? *RCC Perspectives*, no. 1, pp. 33–38.
21. Bracke, A. and Corporaal, M. (2010), Ecocriticism and English Studies: An Introduction, *English Studies*, vol. 91, iss. 7, pp. 709–712.
22. James, E., Morel, Eric (2018), Ecocriticism and Narrative Theory: An Introduction, *English Studies*, vol. 99, iss. 4, pp. 355–365
23. Muravyova, L. E. (2018), Narrative Risk Representation and Collective Memory: Towards a Problem Statement, *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 1 (44), pp. 57–68. (In Russian)
24. Singer, A., Gray, S., Sadler, A., Olabisi, L. S., Metta, K., Wallace, R., Lopez, M. C., Introne, J., Gorman, M. and Henderson, J. (2017), Translating Community Narratives Into Semi-quantitative Models to Understand the Dynamics of Socio-environmental Crises, *Environmental Modelling & Software*, no. 97, pp. 46–55.
25. Ryan, J. Ch. (2012), Narrative Environmental Ethics, Nature Writing, and Ecological Science as Tradition: Towards a Sponsoring Ground of Concern, *Philosophy Study*, vol. 2, no. 11, pp. 822–834.
26. Robertson, M., Nichols, P., Horwitz, P., Bradby, K. and MacKintosh, D. (2001), Environmental Narratives and the Need for Multiple Perspectives to Restore Degraded Landscapes in Australia, *Ecosystem Health*, vol. 6, iss. 2, pp. 119–133.
27. Stepin, V. S. (2011), Philosophical Analysis of the Worldview Universals of Culture, *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, no. 1, pp. 8–17.

Received: December 8, 2020

Accepted: June 25, 2021

Author's information:

Irina O. Shchedrina — PhD in Philosophy, Junior Research Fellow; echiscar@yandex.ru